

**ВИКТОР КОВРИЖНЫХ**



## НАРОДНАЯ ТРОПА

\* \* \*

Я памятник себе воздвиг нерукотворный  
в селе моём!.. Трубы водонапорной  
побольше будет он по высоте!  
Пока мечтам не писаны законы,  
роняет небо звёзды на погоны,  
и званье соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,  
колодцы, трактора, животноводы,  
на лавочке Серков-пенсионер.  
Вы про известность мне не говорите.  
Я здесь, в селе, гораздо знаменитей,  
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде,  
мне видно, что растёт на огороде,  
и виден лес, встречающий грозу.  
Я над селом, как будто в карауле.  
Кричат внизу: “Слезай, Витёк, покурим.  
Прочти стихи про кузькину козу!..”

---

*КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич — автор пяти поэтических книг, член СП России. Работал трактористом, шофёром, составителем поездов на угольном разрезе. В настоящее время пожарный-спасатель пос. Старобачаты Кемеровской области.*

И высотой горней окрыленный,  
читаю им с восторгом, вдохновенно  
про кузькину козу и про быка.  
Что даже агроном наш на правленье  
отметил: повышаю настроенье,  
а значит, и надои молока.

Мой дом почти как штаб при поссовете,  
посколь стихи печатаю в газете  
под сводкою районных новостей, —  
то жители доверчиво и просто  
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой —  
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы,  
учётчика и Дуську-продащицу —  
обвешивает, подлая, народ.  
Я их глаголом яростным караю,  
а сам в душе печально понимаю:  
тропа ко мне травой не зарастёт...

## СТАРОБАЧАТЫ

Всё перестроили в русском краю!  
Только не трожьте деревню мою.

Тихие улочки Старобачат,  
ветры степные полынью горчат.

В купах черёмухи и тальника  
белую лебедь качает река.

Щука с Емелей и Чёрт с Водяным  
мирно живут за окошком моим.

Звоны и ягоды в травах густых  
вспомнят заглавия сказок моих.

Яви и вымысла зыбкая грань,  
Здравствуй, лесная моя глухомань.

Милая родина, вечности птах...  
Здесь лишь воскресну листвою на кустах!

Тешьтесь вы — Господи! — в вашем раю,  
только не трожьте деревню мою.

Белая лебедь томится во мгле,  
трудно не петь мне на этой земле...

\* \* \*

Овраги за оградой и тальник.  
Затем бугор за школою и — воля!..  
Рассыпан петушиный звонкий крик  
цветами перепёлкиного поля!

Потом — холмом возвышенный лесок,  
наполненный мечтами и полётом.  
Там дудочки зелёной голосок  
томится за берёзовым заплотом.

Затем ручей, впадающий в Иню,  
а дальше — лес застыл раскатом грома.  
— А дальше? — Чёрт пугает ребятню,  
чтоб далеко не бегала от дома.

\* \* \*

Народ безмолвствует... Кричат  
лишь только те, кому свобода —  
обогащение иль блат,  
дорога к власти или мода.

И так который год подряд  
он равнодушен к зову власти.  
Молчанье — словно знак согласия  
идти хоть к Господу, хоть в Ад.

Народ терпения и пут  
испил, изведал мерой полной  
позор, предательство и подлость  
от государственных иуд.

И вот безмолвствует народ,  
ни слёз, ни ругани, ни жалоб.  
Его ничто уже, пожалуй,  
не удивит, не потрясёт.